

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/19986645/30/8

Н.Е. Никонова

**В.А. ЖУКОВСКИЙ И НЕМЕЦКИЕ ПРАВЯЩИЕ ДИНАСТИИ:
ИОГАНН САКСОНСКИЙ¹**

В статье поставлена проблема изучения связей В.А. Жуковского с представителями немецких правящих династий, освещается диалог русского поэта с Иоганном Саксонским (Johann von Sachsen, 1801–1873), одаренным литератором и видным политиком, автором одного из лучших немецких переводов «Божественной комедии» Данте, впервые публикуется переписка короля и поэта, вводится в научный оборот немецкая рецензия на «Одиссею» Жуковского, ставшую импульсом для их творческих контактов в 1850-е гг.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, Иоганн Саксонский, перевод, Гомер, «Одиссея», Данте, «Божественная комедия».

Творческие контакты В.А. Жуковского с представителями правящих династий Германии имеют свою историю изучения. Благодаря разысканиям А.А. Фомина, опубликовавшего в 1912 г. переписку поэта с королем Пруссии Фридрихом Вильгельмом IV [1], стало возможным дальнейшее исчерпывающее осмысление их творческих контактов, представленное в работе В. Пахомовой-Гёрес [2]. Введение в научный оборот материалов эпистолярного диалога Жуковского с русской великой княжной, а в замужестве великой герцогиней Саксен-Веймар-Эйзенах Марией Павловной [3], способствовало специальному изучению ее наследия, спектра связей с русскими литераторами [4], и в частности с В.А. Жуковским [5. Т. 1. С. 129–132. Т. 2. С. 108–109]. С одной стороны, в науке о литературе накоплен достаточный материал для постановки важнейшей проблемы комплексного изучения творческих контактов воспитателя русского царя-освободителя Александра II с немецкими правящими домами; с другой – очевидно, что подобное исследование невозможно без предварительного восполнения дефицита, связанных с источниковедческим аспектом. В результате работы по выявлению рукописей Жуковского и его друзей в российских и германских архивах нами были обнаружены интересные материалы переписки поэта с наследником престола Саксонии принцем Иоанном.

Цель настоящей статьи – исследование эпистолярного диалога Жуковского с Иоанном Саксонским, публикация и научный комментарий их писем, реконструкция историко-культурного и литературного контекста, породившего обоюдный интерес поэта и представителя правящей династии.

С Саксонией и ее столицей Дрезденом «русских европейцев» связывали многолетние творческие контакты. Одним из первых на этот факт указал академик А.Н. Веселовский, посвятив одну из своих работ изучению контактов В.А. Жуковского и А.Н. Тургенева с литературными кружками и знаменитыми литераторами Дрездена, рассказав о знакомстве поэта с Л. Тиком и посе-

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (№ 12-34-01225 и № 13-04-00141).

шении салона Э. фон дер Рекке [6, 7]. Культурные связи России и немецкой Саксонии 1790–1840-х гг. подробно охарактеризованы Э. Гексельшнейдером [8], и В.А. Жуковский по праву занимает в пространстве этого масштабного межкультурного трансфера, описанного немецким ученым, одно из центральных мест наряду с братьями А.И. и Н.И. Тургеневыми и В.К. Кюхельбекером. Русский романтик с момента своего первого немецкого путешествия 1820-х гг. и до последних дней был вдохновлен символикой пейзажа дрезденских живописцев К.Д. Фридриха, К.Г. Каруса и др. Увлечение это непосредственно отразилось в творческой эволюции Жуковского-романтика, художника, поэта, педагога [9]. Сохранившееся в архиве Дрездена письмо В.А. Жуковского к принцу Иоганну, взошедшему на саксонский престол в 1852 г., открывает еще одну важнейшую магистраль российско-саксонского культурного трансфера, инициированного Жуковским. Немецкий наследник был знаком ему, прежде всего, как талантливейший литератор («настоящий поэт»), один из самых образованных представителей монарших семей Германии. И характер контактов «короля и поэта» не был исключительным. Как и в случае с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом IV и великой герцогиней веймарской Марией Павловной, этот диалог Жуковского имел глубоко творческий характер и в то же время искренний наставнический тон.

Иоганн (король Саксонии с 1854 по 1873 г.) серьезно занимался естественными науками, математикой и теологией, однако с особым тщанием отдавался изучению языков и древних литератур. Софокла, Фукидида и Платона, Демосфена и Аристотеля юный принц знал в оригинале, поражая своих наставников, дрезденских ученых-энциклопедистов Ф.В. Титтманна (1784–1864) и К.А. Бёттигера (1760–1835), талантом к языкам и способностью наизусть и в оригинале читать отрывки из Нового Завета, оды Горация и песни Гомера [10. С. 276], произведения которых всегда сопровождали его в путешествиях, а позже и в военных походах. Однако совершенно особое место в кругу интересов монаршего литератора заняла итальянская словесность.

Впервые Иоганн посетил Италию в 1821–1822 гг., после чего начал изучать итальянский язык. Под влиянием своих приближенных – поэта и переводчика К.А. Фёрстера (1784–1841), издавшего в 1830-е гг. свои переводы десяти песен «Божественной комедии» и «Новой жизни», и художника К.Г. Каруса, создавшего в 1820-х гг. иллюстрации к «Аду» – он увлекся наследием Данте, восприняв его как отца итальянской поэзии и великого реформатора языка.

Спустя всего семь лет после первого знакомства с родиной Данте вышли первые десять песен «Ада» в немецком переводе Иоганна. В 1833 и 1840 гг. были опубликованы еще две части, и к 1849 г. перевод был завершен. Вышедший в 1849 г. трехтомник имел огромный успех не только в Германии и Италии, но «во всем образованном мире» [10. С. 278]. Иоганн сопровождал первое полное издание перевода стихотворным посвящением («Widmung der Dante-Ausgabe von Friedrich Wilhelm IV. von Preußen») взошедшему на прусский престол в 1843 г. Фридриху-Вильгельму IV, своему единомышленнику, снискавшему славу «романтика на престоле», тому самому королю, который был дружен с Жуковским, с благодарностью принимал его наставления и всегда был готов прийти на помощь. Автор немецкого перевода до конца

дней не переставал совершенствовать его, выпустив новые доработанные и комментированные издания в 1865 и в 1868 гг., так что перевод «Божественной комедии» стал делом всей его жизни. Определенно верно утверждение биографов о том, что благодаря стараниям монаршего наследника немецкий мир полюбил Данте.

Очевидно, что В.А. Жуковский не мог не интересоваться творческими успехами принца Саксонии. В дневниках поэта имя Иоганна упоминается четыре раза, в дрезденских записях от 5 (17) июля 1832 г. («M-elle Tümping из Дрездена (моя соседка за столом принца Иоанна)» [11. Т. 13. С. 321]); 20 марта 1840 г. («За столом близ принца Иоанна» [11. Т. 14. С. 487]); 1 (13) и 2 (14) сентября 1843 г. («Принц Иоанн» [11. Т. 14. С. 520]; «визит принцу Иоанну» [11. Т. 14. С. 520]). Несмотря на лаконичность заметок, можно с уверенностью говорить о том, что наследника и поэта связывал не только придворный этикет. Сохранившиеся в архивах Дрездена и Санкт-Петербурга письма Жуковского и принца Иоганна по-настоящему раскрывают характер этих отношений, как и предмет творческого диалога. Первое письмо отправлено В.А. Жуковским из Баден-Бадена в январе 1850 г., накануне своего дня рождения в ответ на послание Иоганна, приславшего поэту первое полное издание перевода «Божественной комедии». Автограф письма Жуковского к Иоганну Саксонскому располагается на двойном листе голубой бумаги и занимает три страницы, текст написан чернилами, рукой поэта. Приводим далее полный вариант этого послания с русским переводом:

1. Письмо В.А. Жуковского к Иоганну Саксонскому

20 января 1850 г., Баден-Баден

Monseigneur,

Il y a déjà quelques jours, que j'ai devant moi le précieux cadeau que Votre Altesse Royale a daigné m'accorder. Je mets à vos pieds les expressions de ma profonde reconnaissance et pour le cadeau lui-même et pour le cher souvenir, qui a fait, que Votre grande production poétique est devenue pour moi le représentant de votre gracieuse bienveillance. Je vous félicite, Monseigneur, d'avoir achevé un tel travail d'une manière si triomphante et d'avoir en même temps élevé pour l'Allemagne un magnifique monument de poésie, de science et morale. Il est très bien probable, que la niaise n'appréciera pas le mérite de cette production: le temps, ou nous vivons, n'est pas digne du Dante; il n'est pas disposé à écouter, il n'est pas capable de comprendre ni sa voix ni celle de son fidèle interprète. Toutefois Vous avez eu Votre entière récompense dans votre travail-même, dans cette superbe lutte avec un génie du premier ordre (lutte, dont Vous êtes sortis avec plein succès) et surtout dans cette grande et profonde jouissance de tout ce qui se trouve de beau dans notre âme, jouissance que Vous avez du richement puisez dans vos conversations intimes avec l'âme du Dante, qui ont en même temps servi de palliatifs aux douleurs, qu'on ne peut ne pas éprouver en présence de ce qui se passe autour de nous. Se remplir de la poésie du Dante qui est la plus haute expression en langue humaine des choses certes, a dû être pour Votre âme un bonheur, un remède, une dépuración. Mais, après avoir longtemps consacré Votre temps à reproduire cette poésie divine, vous devez à présent ressentir un profond regret

d'avoir achevé un tel travail: c'était comme si vous aviez quitté le paradis pour la terre, mais Vous n'en êtes pas bannis; la porte vous en reste ouverte.

Sans comparer, Monseigneur, au votre, le travail, que je me suis permis d'entreprendre, je dirai, qu'il m'est arrivé quelque chose de pareil, c'est-à-dire, de ressentir le regret d'avoir achevé une tâche, qui a été pour moi une source de grandes jouissances. Dans les derniers temps, je me suis occupé de la traduction de l'Odyssée; cette traduction a été achevée l'année passée pendant mon séjour(s) à Bade-Bade et elle a été imprimée à Carlsruhe. J'ose mettre à vos pieds, Monseigneur, un exemplaire de cette traduction (la nécessité de relier le volume a été la cause du retard de ma réponse à la gracieuse lettre, que j'ai eu le bonheur de recevoir de Votre Altesse); daignez accepter avec bienveillance mon offrande; je me permets d'autant plus hardiment de vous la faire, que je ne crains pas de vous obliger de subir la lecture de mon gros volume; la langue du traducteur Vous est étrangère; c'est tout simplement un signe de mon profond respect pour Votre auguste personne et de ma vive reconnaissance pour votre bienveillant souvenir. Daignez, Monseigneur, accorder à mon volume une place silencieuse sur quelque rayon écarté de Votre bibliothèque. L'histoire de ma traduction, si Votre Altesse serait curieuse de la connaître, se trouve dans la Beilage au № 310 de la Allgemeine Zeitung 6 Novembre 1849, ou une main charitable a jetté à mon profit une aumône de louanges, qui m'a fait plaisir, mais qui est certainement trop lourde pour mon étroite besace.

Je mets aux pieds de Votre Altesse Royale les expressions du profond respect, avec lequel j'ai l'honneur d'être

Monseigneur
De Votre Altesse Royale
le très humble et le très dévoué Serviteur
Joukovsky.

Le 20 Janvier 1850
Bade-Bade [12. Bd.11, Bl. 207–208].

(Перевод)

Ваше высочество,

Несколько дней назад я получил ценный подарок, который Ваше Королевское Высочество сооблаговостили мне преподнести. Примите выражение моей глубочайшей признательности и за сам подарок, и за дорогие воспоминания, с ним связанные. Ваше великое поэтическое творение стало для меня проявлением Вашей любезной благосклонности. Я поздравляю Вас, Ваше Высочество, с тем, что Вы завершили триумфальную работу и в то же время создали для Германии великолепный памятник поэзии, науки и нравственности. Вполне вероятно, что простаки не оценят по достоинству это произведение: время, в которое мы живем, недостойно Данте; оно не готово слушать; оно не способно понять ни голоса оригинала, ни голоса его преданного переводчика. Тем не менее. Вы вполне вознаграждены самой Вашей работой, восхитительной борьбой с гением высшего порядка (борьбой, которая увенчалась Вашим полным успехом) и особенно этим великим и глубоким наслаждением всем, что есть прекрасного в нашей душе, наслаждением, которое Вы щедро черпали из ваших личных бесед с душою Данте, временно облегчавших страдания, которые нельзя не испытывать, наблюдая за тем, что проис-

ходит вокруг нас. Наполняться поэзией Данте, которая является высшим выражением вещей на языке человеческом, конечно же, было для души Вашей счастьем, лекарством и очищением. Но после того как Вы долгое время посвящали себя воспроизведению этой божественной поэзии, сейчас Вы, должно быть, испытываете глубочайшее сожаление из-за окончания работы: это как если бы Вы покинули рай и вернулись на землю, но не были бы из него изгнаны, дверь туда осталась открытой.

Ваше Высочество, не пытаясь сравнивать с Вашей работу, которую позволил себе предпринять, скажу, что со мной случилось нечто похожее, то есть я испытал сожаление, закончив труд, который был для меня источником великих наслаждений. В последнее время я был занят переводом Одиссеи, этот перевод был закончен в прошлом году во время моего пребывания в Баден-Бадене и напечатан в Карлсруэ. Ваше Высочество, осмелюсь подарить Вам экземпляр этого перевода (необходимость переплести том была причиной задержки моего ответа на милостивое письмо, которое я имел счастье получить от Вашего Высочества), соблаговолите принять мой подарок; я уже позволил себе дерзость, преподнося его Вам, поэтому не осмелюсь утруждать Вас чтением моего огромного тома; язык переводчика Вам незнаком; это только знак моего глубочайшего почтения к Вашей августейшей персоне и моей большой признательности за Ваш любезный подарок. Ваше Высочество, соблаговолите даровать моему тому безмолвное место на какой-нибудь дальней полке Вашей библиотеки. История моего перевода, если Ваша светлость пожелает знать ее, напечатана в приложении к № 310 к «Всеобщей газете» от 6 ноября 1849 года, где сострадательная рука подала мне милостыню в виде похвалы, которая была мне приятна, но, безусловно, и слишком тяжела для моей малой суммы.

Ваше Королевское Высочество, примите уверение в глубочайшем почтении, с которым честь имею быть

Вашей светлости
Вашему Королевскому Высочеству
Вашим покорнейшим и преданнейшим слугой,
Жуковский

20 января 1850
Баден-Баден

Основным предметом творческого диалога Жуковского и Иоанна стал перевод великих поэм Гомера и Данте, увлеченная работа над которым помогла обоим хотя бы на время укрыться от хаоса и потрясений революции. В сознании Иоанна, как и в сознании В.А. Жуковского, Данте и Гомер были неразрывно связаны. Их эпос обоим представлялся образцом словесного воплощения вечных истин, высоким идеалом поэзии. Один из биографов короля подчеркивал, что причинами, побудившими его к выбору произведения Данте, стали, прежде всего, морально-назидательный и патриотический аспект поэмы, представляющей «историю мира и человечества на фоне вечности», а также тот факт, что высокий этический пафос Данте облачен в безупречную художественную форму, как «Одиссея» и «Илиада» Гомера [13. S. 33–34].

Сочинения римских и латинских классиков сопровождали короля в самые трудные дни. На исходе жизни, будучи тяжело больным, Иоганн охотно читал и декламировал «Одиссею» в оригинале, особенно песни 14 и 15, рассказывающие о возвращении Одиссея в облики старца. При этом король любил говорить, что песни Гомера прекрасны своим единством и, чтобы понять их, нужно перенести свои впечатления в современность, тогда можно будет «почувствовать это особое объединяющее настроение, которое проходит сквозь все песни» [10. С. 277]. Подобных убеждений придерживался и Жуковский, не позволявший публиковать и читать свой перевод по частям: «Ты все прошишь стихов из “Одиссеи”, – писал он А.И. Тургеневу 6 (18) января 1844 г., – но из нее ничего вырвать нельзя: всё один слиток» [14. Т. 6. С. 326].

Государственный министр И.П. фон Фалькенштейн, автор воспоминаний об Иоганне-литераторе, ученом и покровителе искусств, писал: «Было что-то действительно трогательное в том, как он радовался, когда видел перед собой понимающего единомышленника» [10. С. 277]. В русском поэте король смог найти собеседника, способного оценить его труд. Данте и Гомер осмыслились Жуковским в том же ключе: «Поэзия народная, в которой отзывается вся жизнь народа, Гомер, Данте, Шекспир, Мильтон, греческие трагики, некоторые чудные поэты Востока (не называю никого из новейших) – вот товарищи жизни. Беседа с ними во всякое время есть очарование» [14. Т. 6. С. 371]. Есть все основания говорить и о дантиане Жуковского 1840-х гг., времени, когда проходила самая активная работа Иоганна над немецким переводом и комментарием к «Божественной комедии». Как выявлено А.С. Янушкевичем, «Жуковский на протяжении длительного периода не только интересовался личностью и творчеством итальянского поэта, но и готовился к переводу “Божественной комедии”» [15. С. 234]. Об этом должны свидетельствовать, во-первых, 18 строк перевода первых терцин поэмы, сохранившиеся на страницах русского прозаического пересказа Кологривовой и датированные А.С. Янушкевичем 1843 г.; во-вторых, шесть изданий «Божественной комедии» на итальянском, французском и немецком языках (перевод принца Иоганна в личном собрании Жуковского не сохранился); в-третьих, сама атмосфера Данте, в которой жил русский романтик благодаря итальянскому окружению и наступлению «дантовской эпохи для русской печати» в начале 1840-х гг. [15. С. 240]. Очевидно, что и личное общение с Иоганном Саксонским в первой половине 1840-х гг. способствовало активному творческому осмыслению Жуковским наследия Данте.

Как свидетельствуют строки приведенного письма, поэту было хорошо известно о трудах принца. Кроме того, Жуковский – известный книголюб и владелец богатейшего книжного собрания – не мог не знать об уникальной личной библиотеке Данте, которую собирал саксонский наследник. Издания Данте разных лет, в оригинале и в переводах, литературные сочинения в духе Данте, а также различного рода работы о нем и его великом произведении, иллюстрации и рисунки по мотивам «Божественной комедии» составляли отдельную коллекцию [16], занимавшую отдельную залу в замке Иоганна в Морицбурге. В библиотеке Данте хранится и один русский перевод поэмы – это издание 1842 г., представлявшее русскому читателю итальянского поэта в

прозаическом пересказе Е.В. Кологривовой [17], аналогичное тому, в котором начал свой стихотворный перевод Жуковский.

Размышления о природе и характере переводческого труда в письме к Иоанну Жуковский облекает в контекст «любимых мыслей» 1840-х гг., где «переоблицовка» классического эпоса изображается спасительным островом в океане революции, сакральным пространством диалога. Подобные мотивы в изобилии находятся в письмах поэта 1840-х гг., например: «представляя Вам свою смиренную русскую «Одиссею», я Вас, против Вашей воли, приведу к самому старику Гомеру, в чаше которого Вы найдете мгновенное успокоение, сильно необходимое в такое время, когда измученная душа не находит точки опоры» [18. С. 25] (К.А. Фарнгагену фон Энзе, 25 октября 1848 г.). Период 1842–1849 гг. – время потрясений на европейской политической арене и этап самой активной работы Жуковского над русской «Одиссеей» и принца Иоанна над последними частями перевода «Божественной комедии».

Хорошо зная о любви Иоганна к поэзии древних, в особенности к Гомеру, о превосходной личной библиотеке, Жуковский решился представить ему свою «гиперборейскую “Одиссею”». Посредником в переписке с Иоганном он просил быть друга и «крестного отца» своей «Одиссеей» барона А. фон Мальтица, русского поверенного в Веймаре. Интересные подробности находим в письме к нему от 23 января 1850 г.: «Я хотел просить Вас взяться послать мой ответ принцу Иоанну с экземпляром моей гиперборейской “Одиссеей”. Эта последняя, чтобы явиться прилично принцу (“настоящему поэту”), должна была принарядиться; для этого я должен был поручить ее заботам литературного парикмахера, живущего в Карлсруэ, а он имел доброту быть осмотрительным в своей работе и, следовательно, страшно задержал – что часто бывает с его германскими соотечественниками – а потому мой ответ принцу (а с ним и Вам) благополучно запоздал. Но вот, наконец, мое письмо с “Одиссеей”, на которой я Вас прошу надписать адрес и послать к принцу» [18. С. 33–34].

Поскольку принц не мог читать по-русски и оценить достоинства перевода, поэт указывает в приведенном письме на выходные данные немецкого отзыва, опубликованного анонимно. Имеется в виду обширная хвалебная рецензия, вышедшая впервые в 1849 г. в указанном Жуковским приложении. Статья была включена в анонсированное Ю. Кернером издание В.А. Жуковского в Германии «Сказки об Иване Царевиче и Сером волке» [18. С. 84–88], которое вышло на последнем году жизни русского поэта. Эти строки, очевидно, были дороги Жуковскому не только как знак высокой оценки его колоссального труда, но и как факт продвижения представлений о русской словесности и культуре в Европе. Вторую часть рецензии составляет известное предисловие автора перевода к русской «Одиссее», но ее первая часть, где дается оценка перевода и его значения, насколько нам известно, по-русски никогда не печаталась, потому приводим ее ниже.

«Одиссея» в русском переводе В.А. Жуковского

Читатели Вашей газеты до сих пор с удовольствием обращали взгляд за границы своей малой и большой родины, на культурно-исторические, в частности, на литературные явления зарубежья, отвлекаясь от нашей политической неразбе-

рихи. Одно из интереснейших событий подобного рода представляет вышедший недавно в Карлсруэ, в основанной известным лингвистом славянского происхождения Рейфом типографии, русский перевод «Одиссеи»; несмотря на то, что это произведение, за редким исключением, будет недоступным даже высокообразованным немцам, оно не должно остаться незамеченным в Германии, как и его превосходный автор (тайный советник Жуковский, как известно, наставник вел. князя, наследника престола), который своими знаменитыми в России переводами из Шиллера, Гёте и Уланда познакомил всех с любимыми нашим народом поэтами. В России есть уже один перевод Гомера, однако выполнен он так неинтересно и безыскусно, превосходя по строгости самого Фосса, что не способен пробудить у русских ни любви к Гомеру, ни желания его изучать. И то, и другое восполняет в высшей мере представленное произведение, потому как этот перевод, будучи в достаточной степени верным слову оригинала, не подражает, но чудесным образом заново воспроизводит звучание, оттенки и дух подлинника в свободном и естественном течении оригинального стиха. Никакой язык, не исключая немецкого, не способует лучшему перевоплощению Гомера, как русский, и особый характер русского языка в немалой степени способствовал созданию такого превосходного произведения. Многие иностранцы представляют себе русский язык как каким-то гиперборейским нагромождением, препятствующим повышению образованности народа подобно непреодолимой преграде; русскую речь слышат они с невообразимым ужасом, подобным, наверное, тому, с которым римлянин отворачивался при звуках речи наших предков. Как же удивляются эти заблуждающиеся, когда вдруг узнают, что язык этот – скорее один из богатейших, тончайших и самых красочных, что он превосходит даже немецкий в способности уподобляться любому новому выражению своими сочетаниями и образованием слов, что он благодаря своим формам и конструкциям, а именно благодаря свободным причастным и деепричастным оборотам, оказывается ближе всех европейских языков к греческому, так что, вероятно, и эта близость способствовала высокому совершенству настоящего перевода. Однако прежде всего достигнуто оно благодаря богатому таланту, усердию и труду, глубокому поэтическому дару, особому характеру его автора, способного к детской непосредственности древних. Между создателем оригинала и его счастливым переводчиком должно быть внутреннее душевное сродство, тем более что последний не мог даже прочесть подлинник на языке оригинала. С удивлением узнаешь о том, что автор этого превосходного перевода в действительности совсем не понимает греческого, и не мог даже прочесть Гомера в оригинале, из-за чего его литературный труд выглядит, пожалуй, несколько курьезным; однако поражает и то, какой неслыханно сложный путь избрал переводчик, чтобы научиться понимать каждое слово оригинала – путь настолько трудный, что лишь пламенное увлечение Гомером, лишь глубокое сродство между почтенным певцом и его почтенным переводчиком, только беспримерное усердие помогли достичь цели. Гомера нужно было заново глубоко понять, вздуматься, глубоко прочувствовать и пережить, чтобы в определенном смысле оживить оригинал в новом теле. Чтобы познакомить вас с трудностями, которые преодолены трудом и любовью к произведению, чтобы показать происходящий из вдохновения талант автора, приводим ниже его предисловие к книге, для которого он использовал отрывок из своего письма. Прежде заметим только ожидаемое важнейшее значение этого явления: так же как германизм и все западноевропейское образование обязано своим подъемом посредничеству римской католической церкви, так же, наверное, и

зарождение высокой культуры русского народа стало возможным на основе греческого языка и науки; язык, история, церковь, в определенном отношении и характер народный, а возможно, и будущее российского государства на этом пути к высокому духовному развитию; и так как представленное произведение Жуковского, несомненно, будет способствовать пониманию Гомера в России, и тем самым пробудит любовь к нему и к греческой литературе, то мы можем рассматривать появление этого перевода как значительнейший момент в истории культуры русского народа.

Приводим упомянутое предисловие с указанием на то, что мы с удовольствием узнали о том, что автор, ободренный одобрением компетентных судей, в настоящее время приступает к переводу «Илиады» [20. S. 4819–4820].

Спустя два месяца после выхода этой рецензии в январских номерах того же издания было напечатано обстоятельное критическое сочинение «О студиях Данте» в двух частях [21. S. 217–218; 22. S. 245–246], главным предметом которого стала публикация полного перевода Данте, выполненного Иоанном. Письмо Жуковского было написано уже после выхода этого отзыва, который, очевидно, был известен поэту и послужил потенциальным поводом для указания выходящих данных рецензии на свою «Одиссею» в письме к принцу. Хвалебный отзыв о русском переводе был известен Иоганну Саксонскому, о чем мы узнаем из его ответного письма, рукопись которого хранится в Петербурге.

2. Письмо Иоганна Саксонского к В.А. Жуковскому

10 февраля 1850 г., Дрезден

Monsieur le conseiller d'état

C'est avec bien du plaisir que j'ai reçu l'aimable lettre de Votre Excellence et le livre que vous avez bien voulu m'envoyer. Je suis fâché seulement de ne savoir pas le Russe pour pouvoir juger par moi-même du mérite d'un ouvrage qui est généralement regardé par les connaisseurs comme tout à fait extraordinaire. J'ai lu dans le temps avec grand intérêt article dont vous parlez dans la gazette universelle. Il serait bien curieux de savoir comment il a été possible de vaincre tant de difficultés.

La manière indulgente avec laquelle Votre Excellence a jugé mon ouvrage m'a été fort rassurante. Du reste on voit que vous parlez par expérience en disant que je dois lui regretter d'avoir terminé mon ouvrage. Le Dante était pour moi dans notre triste temps un moyen de m'isoler de tout ce qui me pesait et me rendait la vie dure et de respirer pour un temps au moins un air plus pur que celui des années 48 et 49.

Dieu donne que l'avenir soit meilleur et espérer en Dieu qui sait tout conduire à ses fins.

C'est avec la plus haute considération que je suis.

Monsieur
de Votre Excellence

le très dévoué
Jean Duc de Saxe [23. JI. 1–2].

(Перевод)

Господин государственный советник,

С большим удовольствием я получил любезное письмо Вашего превосходительства и книгу, которую Вы пожелали мне прислать. Досадовал только, что не знаю русского языка, чтобы иметь возможность самому судить о достоинстве сочинения, которое в целом оценивается знатоками как совершенно необычайное. Я некогда читал статью, о которой Вы говорите, во «Всеобщей газете», и мне было бы очень любопытно узнать, как можно было преодолеть столько трудностей.

Меня очень обнадежила почтительная манера, с которой Ваше превосходительство оценили мое произведение. Впрочем, ясно, что Вы судите по своему опыту, говоря, что я, должно быть, сожалею, что закончил работу. Данте в наше печальное время помогал мне отстраниться от того, что тяготило меня и отравляло жизнь, и хотя бы некоторое время дышать более чистым воздухом, чем воздух в 48 и 49 годах.

Дай Бог, чтобы будущее было лучше, и нужно надеяться на Бога, который знает, куда привести свои души.

С высочайшим почтением к господину Вашему превосходительству.

Крайне преданный Вам,
Иоганн Саксонский

Переписка Жуковского и Иоанна Саксонского восполняет пробелы в изучении творческой биографии русского романтика последних лет его жизни, в истории изучения русской «Одиссеи», а также в исследовании обозначенной в заглавии проблемы контактов воспитателя русского императора с немецкими правящими династиями. Иоганн Саксонский в определенной мере был настоящим образцом монарха, высоким идеалом, к которому стремился Жуковский как наставник царской фамилии, посвятивший свою «Одиссею» вел. кн. Константину Николаевичу. Поэту не суждено было увидеть Иоанна на троне Саксонии и узнать о его грандиозных успехах в экономике, политике, в области права, о его подвижничестве в науках и искусствах, способствовавшем процветанию земли. Однако общение с ним до переселения в Германию и после него, очевидно, не могло не оказывать влияние на эволюцию воззрений Жуковского-педагога, государственного деятеля и русского поэта.

Литература

1. *Фомин А.А.* Поэт и Король: переписка В. Жуковского с королем прусским // Русский библиофил. 1912. № 7–8.
2. *Пахомова-Герес В.* Король и поэт: Фридрих-Вильгельм IV и В.А. Жуковский: Забытая история одной дружбы // Немцы в России: Российско-немецкий диалог: по материалам семинара. СПб., 2001. С. 241–257.
3. *Архатов Ю.* Веймарские находки // Москва. 1996. № 6. С. 160–164.
4. *Дмитриева Е.Е.* Поздние русские гетеманцы: князь Владимир Федорович Одоевский и великая княгиня Мария Павловна // Князь Владимир Федорович Одоевский: Переписка с великой княгиней Марией Павловной, великой герцогиней Саксен-Веймар-Эйзенах. М., 2006.
5. *Никонова Н.Е.* В.А. Жуковский и немецкий мир: дис. ... д-ра филол. наук: в 2 т. Томск, 2013.

6. *Веселовский А.Н.* В.А. Жуковский и А.И. Тургенев в литературных кружках Дрездена (1826–1827): (Заметки к дневнику А.И. Тургенева) // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 159. 1905. № 5. С. 159–183.
7. *Никонова Н.Е.* Х.А. фон Тидге и В.А. Жуковский // В.А. Жуковский: Исследования и материалы. Вып. 1. Томск, 2010. С. 232–244.
8. *Hexelschneider E.* Kulturelle Begegnungen zwischen Sachsen und Russland 1970–1849. Köln; Weimar; Wien, 2000.
9. *Никонова Н.Е.* В.А. Жуковский и немецкие художники: от К.Д. Фридриха к назарейцам. Ст. 1 // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 371. С. 38–44.
10. *Falkenstein J.P., von.* Zur Charakteristik König Johann's von Sachsen in seinem Verhältniss zu Wissenschaft und Kunst: Gedächtnissrede auf Veranlassung der Königl. Sächs. Gesellschaft der Wissenschaften // Abhandlungen der Philologisch-Historischen Classe der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften ; Bd. 7, Nr. 3. Leipzig, 1874. S. 270–318.
11. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки русской культуры. 2010.
12. *Отдел рукописей Государственной и университетской библиотеки Саксонии (Sächsische Landesbibliothek – Staats- und Universitätsbibliothek <Dresden>).* Mscr.Dresd.e.91.
13. *Schramm H.* König Johann von Sachsen. Leipzig, 1870. С. 33–34.
14. *Жуковский В.А.* Сочинения. 7-е изд. СПб., 1878. Т. 6. С. 371.
15. *Янушкевич А.С.* В мире Жуковского. М., 2006.
16. *Katalog der Dante-Bibliothek des Königs Johann von Sachsen.* Hrsg. von E. Rothe. Weimar, 1942. 80 S.
17. *Данте Алигьери.* Божественная комедия. Ад: С очерками Флаксмана и итальянским текстом / пер. с ит. Ф. Фан-Дима [Е.В. Кологривова]; введение и биография Данте Д. Струкова; изд. Е. Фишера. СПб., 1842.
18. *Шляпки И.А.* Жуковский и его немецкие друзья: Неизданные документы 1842–1850 гг. из картона Варнгагена фон Энзе // Русский библиофил. 1912. Ноябрь. – дек.
19. *Das Märchen von Iwan Zarewitsch und dem grauen Wolf, von dem russischen Dichter Joukowsky mit einem Vorwort von Justinus Kerner.* Stuttgart, 1852.
20. *Beilage zur Allgemeinen Zeitung, № 310 vom 6. November 1849.*
21. *Beilage zur Allgemeinen Zeitung, № 14 vom 14. Januar 1850.*
22. *Beilage zur Allgemeinen Zeitung, № 15 vom 15 Januar 1850.*
23. *Отдел рукописей РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 220.*

V.A. ZHUKOVSKY AND THE GERMAN RULING DYNASTIES: JOHANN VON SACHSEN.
Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 4 (30), pp. 98–110. DOI 10.17223/19986645/30/8
 Nikonova Natalia Ye., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nikonat2002@yandex.ru

Keywords: V.A. Zhukovsky, Johann of Saxony, translation, Homer, The Odyssey, Dante, The Divine Comedy.

The article poses the problem of investigating the connections of V.A. Zhukovsky with representatives of the German ruling dynasties. The Russian poet's dialogue with the King of Saxony, Johann (Johann von Sachsen, 1801-1873), a gifted writer and a prominent politician, author of one of Germany's best poetic translations of *The Divine Comedy* by Dante is presented. The correspondence of the King and the poet is first published. The German review of *The Odyssey* by Zhukovsky, which became the impetus for their creative contacts in the early 1850s, is introduced.

The main subject of the creative dialogue between Zhukovsky and Johann was the translation of the great poems of Homer and Dante. Active work on the translations helped, at least temporarily, to escape from the chaos and revolutionary events in Germany in 1840. Johann (King of Saxony from 1854 to 1873) was seriously engaged in the natural sciences, mathematics and theology, but with special care devoted his time to the study of ancient languages and literatures. The young prince knew Sophocles, Thucydides, Plato, Demosthenes and Aristotle in the original and impressed his mentors, Dresden scholars and lexicographers F.W. Tittmann (1784-1864) and K.A. Böttiger (1760-1835), with his talent for languages and the ability to memorize and read the original passages from the New Testament, odes of Horace and songs of Homer, whose works always accompanied him in his trips and later in the military campaigns. However, a very special place in the circle of interests of the monarchical writer belonged to the Italian literature. The King was able to find a friend able to assess his work in the Rus-

sian poet. Zhukovsky understood Dante and Homer in the same way. There is every reason to talk about the Dante period of Zhukovsky in the 1840s, and personal communication with Johann of Saxony in the early 1840s obviously facilitated Zhukovsky's active creative conceptualization of Dante's heritage. 1842-1849 was the time of upheaval in the European political arena and the most active phase of Zhukovsky's work on the Russian *Odyssey* and of Prince Johann's work on the last part of the translation of *The Divine Comedy*.

Letters of Zhukovsky and Prince Johann preserved in the archives of Dresden and St. Petersburg truly reveal the nature of these relationships, as well as the subject of their creative dialogue. V.A. Zhukovsky sent his first letter from Baden-Baden on January 20, 1850 in response to the message of Johann who sent the first complete edition of the translation of *The Divine Comedy* to the poet. The Prince's response, sent from Dresden, is dated February 10, 1850.

Correspondence between Zhukovsky and Johann of Saxony fills gaps in the study of the creative biography of the Russian Romanticist in the last years of his life, in the history of the study of the Russian *Odyssey*, as well as in the study of the problem of the contacts of the Russian Emperor's mentor with the German ruling dynasties.

Johann of Saxony, to some extent, was a model of the monarch, the high ideal that Zhukovsky sought as a mentor of the royal family, who dedicated his *Odyssey* to Grand Dukes Constantine and Alexander. Communication with the Prince before moving to Germany and after it, obviously, could not but affect the evolution of views of Zhukovsky as a mentor, a statesman and a Russian poet.

References

1. Fomin A.A. Poet i Korol': perepiska V. Zhukovskogo s korolem prusskim [The poet and the King: V. Zhukovsky's correspondence with the King of Prussia]. *Russkii bibliofil*, 1912, no. 7-8.
2. Pakhomova-Geres V. *Korol' i poet: Fridrikh-Vil'gel'm IV i V.A. Zhukovskiy: Zabytaya istoriya odnoy druzhby* [The King and the poet: Friedrich Wilhelm IV and V. Zhukovsky: The forgotten story of a friendship]. In: Smagina G.I. (ed.) *Nemtsy v Rossii: Rossiysko-nemetskiy dialog* [Germans in Russia: The Russian-German dialogue]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2001, pp. 241-257.
3. Arkhipov Yu. Veymarskie nakhodki [Weimar finds]. *Moskva*, 1996, no. 6, pp. 160-164.
4. Dmitrieva E.E. *Knyaz' Vladimir Fedorovich Odoevskiy. Perepiska s velikoy knyaginey Mariey Pavlovnoy, velikoy gertsoginye Saksen-Veymar-Eyzenakh* [Prince Vladimir Fedorovich Odoevsky. Correspondence with Grand Duchess Maria Pavlovna, Grand Duchess of Saxe-Weimar-Eisenach]. Moscow: Institute of World Literature RAS Publ., 2006. 376 p.
5. Nikonova N.E. *V.A. Zhukovskiy i nemetskiy mir*. Diss. dokt. filol. nauk [V.A. Zhukovsky and the German world. Philology Dr. Diss.]. In 2 vols. Tomsk, 2013.
6. Veselovskiy A.N. V.A. Zhukovskiy i A.I. Turgenev v literaturnykh kruzhkakh Drezdena (1826–1827) (Zametki k dnevniku A.I. Turgeneva) [V.A. Zhukovsky and A.I. Turgenev in the literary circles of Dresden (1826-1827) (Notes to the diary of A.I. Turgenev)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 1905, pt. 159, no. 5, pp. 159-183.
7. Nikonova N.E. *Kh.A. fon Tidge i V.A. Zhukovskiy* [H.A. von Tidge and V.A. Zhukovsky]. In: Yanushkevich A.S., Aizikova I.A. (eds.) *V.A. Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [V.A. Zhukovsky: research and materials]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2010. Issue 1, pp. 232-244.
8. Hexelschneider E. *Kulturelle Begegnungen zwischen Sachsen und Russland 1970-1849*. Köln – Weimar – Wien, 2000.
9. Nikonova N.E. V.A. Zhukovsky and German painters: from C.D. Friedrich to the Nazarenes. Article 1. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2013, no. 371, pp. 38-44. (In Russian).
10. Falkenstein J.P. Von Zur Charakteristik König Johann's von Sachsen in seinem Verhältniss zu Wissenschaft und Kunst: Gedächtnissrede auf Veranlassung der Königl. Sächs. Gesellschaft der Wissenschaften. *Abhandlungen der Philologisch-Historischen Classe der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften*, 1874, vol. 7, no. 3, pp. 270-318.
11. Zhukovskiy V.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20-ti tomakh* [Complete works and letters in 20 volumes]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ.
12. Sächsische Landesbibliothek – Staats- und Universitätsbibliothek <Dresden>. Mscr.Dresd.e.91.
13. Schramm H. *König Johann von Sachsen*. Leipzig, 1870, pp. 33-34.
14. Zhukovskiy V.A. *Sochineniya* [Oeuvre]. St. Petersburg, 1878. Vol. 6, 541 p.

15. Yanushkevich A.S. *V mire Zhukovskogo* [In the world of Zhukovsky]. Moscow: Nauka Publ., 2006. 523 p.
16. Katalog der Dante-Bibliothek des Königs Johann von Sachsen. Hrsg. von E. Rothe. Weimar, 1942. 80 p.
17. Dante A. *Bozhestvennaya komediya. Ad* [The Divine Comedy. Hell]. St. Petersburg: Izd. E. Fishera Publ., 1842.
18. Shlyapkin I.A. Zhukovskiy i ego nemetskie druz'ya: Neizdannye dokumenty 1842–1850 gg. iz kartona Varnagena fon Enze [Zhukovsky and his German friends: Unpublished Documents of 1842–1850 from the cardboard of Rahel Varnhagen von Ense]. *Russkiy bibliofil*, 1912, November–December.
19. Das Märchen von Iwan Zarewitsch und dem grauen Wolf, von dem russischen Dichter Joukowsky mit einem Vorwort von Justinus Kerner. Stuttgart, 1852.
20. *Beilage zur Allgemeinen Zeitung*, 1849 (November 6), no. 310.
21. *Beilage zur Allgemeinen Zeitung*, 1850 (January 14), no. 14.
22. *Beilage zur Allgemeinen Zeitung*, 1850 (January 15), no. 15.
23. The Manuscript Division of the National Library of Russia. Fund 286. List 2, no. 220.